

Словно, если спрятаться, не придётся видеть, как мать уходит от него!

И теперь Е Кэ, повинувшись давно укоренившейся привычке, совершенно не контролируя себя, весь сжался внутри платяного шкафа в углу и зажал уши ладонями, пытаясь отгородиться от всепроникающего грома. Словно если он не услышит грома, то не столкнётся и с жестокой реальностью.

А когда Хэ Чжэнсюань, закрыв окна во всех комнатах, вернулся в спальню, одеяло на кровати было откинута в сторону, а самого больного и след простыл.

— Е Кэ! Е Кэ! — растерянно позвал Хэ Чжэнсюань. Он обыскал все комнаты — Е Кэ нигде не было. Это его до смерти перепугало. Уже собираясь выбежать на поиски под дождь, он вдруг услышал тихий звук из шкафа.

Услышав шум, Хэ Чжэнсюань осторожно подошёл и рывком распахнул дверцу шкафа. Так и есть: Е Кэ, сжавшись в комок внутри, зажимал уши руками и дрожал всем телом, безостановочно бормоча что-то себе под нос. Когда Хэ Чжэнсюань приблизился, он наконец разобрал слова:

— Не уходи от меня... Не уходи от меня...

Не уходи от него?

— Я никуда не уйду, — поспешно ответил Хэ Чжэнсюань. Потом, видя, как неуютно такому верзиле (метр семьдесят восемь) сидеть скрючившись в тесном шкафу, он потянул его за руку. — Выходи, а? Выходи, хорошо? Я не брошу тебя. Я никогда тебя не брошу.

Но стоило его пальцам коснуться запястья Е Кэ, как тот звонко шлёпнул его по руке, и Хэ Чжэнсюань от боли отдернул ладонь.

Однако, глядя на такое состояние Е Кэ, он не выдержал — подскочил ближе и, не обращая внимания на удары, вытащил его из шкафа, бросил на кровать и навис сверху. В конце концов, когда человек болен, нельзя же ему сидеть в шкафу!

Когда Е Кэ собрался дать ему сдачи, Хэ Чжэнсюань, действуя инстинктивно, зажал ему уши ладонями и широко, чуть глуповато улыбнулся:

— У меня ладони больше, чем у тебя. Я закрою тебе уши. Смотри, разве не стало тише? Правда? Правда? Я не уйду, я никогда от тебя не уйду!

Услышав это, Е Кэ поднял голову и растерянно посмотрел на него — его глаза были ясными, как у новорождённого младенца. А потом, слегка покраснев, он слабо улыбнулся ему в ответ.

От этой улыбки Хэ Чжэнсюань опешил, и сердце его закричало.

Фол!

Почему, когда он болеет, он такой послушный и сговорчивый? У-у-у!

Невыносимо! Это просто невыносимо!

Одно место мгновенно отреагировало самым честным образом.

Скотина, я просто скотина!

Е Кэ же сейчас болен! Он болен, о чём я только думаю?

Чтоб мне провалиться, чтоб мне провалиться!

Но только один раз, я поцелую его только один раз, всего один!

Только один поцелуй...

Дрожа губами, Хэ Чжэнсюань быстро чмокнул Е Кэ в губы.

Один раз — и всё. Настоящий мужчина держит слово.

Но не успел он и глазом моргнуть, как Е Кэ, которому он всё ещё зажимал уши, тоже вдруг приподнялся и поцеловал его.

Чёрт, это точно фол!

Терпеть убытки я не привык...

Подумав так, Хэ Чжэнсюань снова чмокнул его в губы.

Е Кэ ответил.

Хэ Чжэнсюань чмокнул.

Целуясь и глядя на улыбающегося ему Е Кэ, взгляд Хэ Чжэнсюаня вдруг стал глубоким...

Всю ночь бушевал ливень. На следующее утро, когда дождь прекратился, в воздухе стоял лёгкий, свежий запах. Но из-за того, что дождь был слишком сильным, нежные цветы на

деревьях посбивало с ветвей, и они, увядшие, лежали в придорожной пыли, уже не такие прекрасные, как прежде.

Однако если за окнами после дождя выглянуло солнце, то внутри комнаты, с пробуждением Е Кэ, сгустились тучи.

Е Кэ оглядел беспорядок на кровати, вдохнул странный запах, оставшийся после «дела», и посмотрел на Хэ Чжэнсюаня, которого скинул ногой на пол. Тот, прижимая к себе половину одеяла, выставлял напоказ испещрённые следами плечи и шею и жалобно таращился на него — с таким видом, будто это его обидели. Однако уголки глаз и губ, не скрывая сытости и радости, успешно его выдавали. Почувствовав, что хотя одно место и ныло, но в целом было чистым и опрятным, Е Кэ с досадой прикрыл глаза и слегка потёр переносицу.

Вспоминая минувшую ночь, он не мог вымолвить даже слова упрёка.

Потому что из-за ночного жара и душевного потрясения его рассудок просто не мог совладать с телом. Он даже не помнил, что делал потом — действовал на одних инстинктах. Хотя сначала целовал его без остановки другой, но потом именно он сам начал срывать с того одежду и даже направлять его в определённых действиях.

И это он потом, неудовлетворённый, хотел продолжения. Только Хэ Чжэнсюань, помня о его болезни, крепко прижал его к себе, сдерживая желание, легонько поцеловал в лоб, тихо напевая какую-то мелодию, и так, баюкая, успокоил и убаюкал беспокойного Е Кэ.

Вспомнив это, Е Кэ опустил взгляд на Хэ Чжэнсюаня, который, заметив, что он закрыл глаза, тут же расплылся в счастливой улыбке. Стоило Е Кэ резко открыть глаза, как тот не успел убрать улыбку с лица, попытался принять жалобно-обиженный вид, отчего всё его лицо чуть не свело судорогой. Е Кэ, побледнев, невольно усмехнулся.

Эта усмешка заставила Хэ Чжэнсюаня замереть, а потом он тоже заулыбался как дурачок.

Ну как же он может так его любить? Почему он его так сильно любит?

Особенно после прошлой ночи он понял, что каждое движение этого человека трогает его сердце: хмурится ли он, улыбается ли — это выглядит так красиво, что у него мгновенно встаёт.

Подумав об этом, Хэ Чжэнсюань, глядя на пятна на груди и шее Е Кэ, облизнул пересохшие губы. Это всё его работа, он это сделал. Хе-хе.

Эх, если бы у Е Кэ вчера не было жара, он смог бы продолжать до самого утра, пока не умер бы прямо на нём. Но если бы не жар, вчера Е Кэ не был бы таким страстным, и одно место не было бы таким горячим, что он едва не кончил после пары движений.

Заметив и выражение лица собеседника, и физиологические изменения, Е Кэ холодно взглянул на него:

— Я говорю, ты забыл, что я до сих пор болею? О чём у тебя в голове мысли...

— Конечно, о тебе. — Слова вырвались у Хэ Чжэнсюаня в тот же миг, как Е Кэ задал вопрос. Увидев насмешливую улыбку Е Кэ, он поспешно добавил: — Но я только подумал. Пока ты не будешь таким пылким, я смогу себя контролировать.

— То есть виноват я? Да? — Е Кэ усмехнулся.

Это «да?», произнесённое чуть ли не носом, с лёгкой ленивой ноткой, едва не заставило Хэ Чжэнсюаня онеметь от удовольствия. Он мысленно чертыхнулся: «И правда маленькое исчадие», — а вслух с покорным вздохом произнёс:

— Ну ладно, ладно, прошлой ночью всё было не так, это я виноват. Виню себя за то, что у меня совсем нет силы воли, виню, что ты слишком соблазнителен, виню, что я тебя слишком люблю, виню, что люблю до такой степени, что не могу себя сдерживать, виню, что у меня давно были нечистые мысли, виню...

Слушая, как этот парень умело сворачивает разговор на признания в любви, Е Кэ не мог не рассмеяться.

Потом он покосился на Туаньтуаня, который парил рядом с таким видом, будто давно раскусил, что эти двое — «кобели», и пока его не было, успели натворить дел, и мысленно спросил:

— Ты уверен, что прошлой ночью, в грозу, главная героиня Лу Нин не возвращалась домой?

— Конечно, нет. И у неё тоже прошлой ночью случилось кое-что неопишное. Я хотел предупредить тебя, папа, но ты меня не слышал, и меня заблокировали... — С этими словами круглый комочек обиженно уставился на него.

— А что за человек попался героине?

— Ну... человек неплохой, только у него бывшая девушка, с которой он встречался лет семь-восемь, и он несколько раз пытался с ней порвать, но безуспешно.

— Ясно, понял.

Похоже, героиня решила сменить сценарий «влюблённого в неё генерального директора» на городской любовный треугольник. Но героиня есть героиня — в любом сценарии она остаётся героиней. Он верит, что она в итоге победит!

Но вот как быть с Хэ Чжэнсюанем...

— Если я сейчас начну проходить с ним всю сюжетную линию главной пары, получится довести её до восьмидесяти пяти процентов?

— Похоже, сомнительно, но не исключено. Папа, старайся, Туаньтуань в тебя верит. К тому же,

даже если ты не будешь пытаться, героиня и так уже сошла с рельсов, назад не вернётся, так что, папа, обязательно попробуй. Вот только... когда он потом вспомнит, не подумает ли, что ты его специально обвёл вокруг пальца? Ведь вы знакомы раньше, но ты так и не отправил его обратно в семью Хэ. Может статься, тогда и его отец, Хэ, который и так смотрит на тебя косо, решит, что у тебя корыстный умысел. Насколько я знаю, потеря памяти у Хэ Чжэнсюаня — дело не простое, не просто так его сбила с ног Лу Нин на своём электроскутере. Дом Хэ до сих пор не предпринимает активных действий... Папа, неужели и в этом мире ты хочешь снова получить «плохую концовку»?

Услышав это, Е Кэ странно посмотрел на него, как бы спрашивая: «А зачем мне «хорошая концовка»? Её что, есть можно?»

Узрев такую степень папиной бездушности, Туаньтуань с сочувствием покосился на Хэ Чжэнсюаня, который всё ещё что-то старательно объяснял.

Цык-цык, бедолага!

Спасайся как можешь!

А Хэ Чжэнсюань, который всё распалялся, вдруг ощутил, что за спиной у него похолодело. Подозрительно оглянувшись, он обернулся и увидел, что Е Кэ наклонился к нему и с улыбкой смотрит. Сердце его мгновенно наполнилось неожиданной радостью, он напрочь забыл, на чём остановился в признаниях, и, заикаясь, позвал:

— Е... Е Кэ...

— М-м... Я проголодался...

— Я сейчас же приготовлю! Сварю тебе кашу! — Хэ Чжэнсюань резво вскочил, и Е Кэ едва увернулся, чтобы тот не задел его лицом своего «друга».

— Хорошо. Я, пожалуй, возьму сегодня отгул. Спасибо, что хлопчешь. — Е Кэ незаметно отодвинулся и улыбнулся.

— Не хлопоты, не хлопоты... — возбуждённо затараторил Хэ Чжэнсюань. Как же могут быть хлопотами заботы о нём? Он счастлив до небес, вот! И этот человек явно смягчился, хе-хе. Надо было сразу его к кровати припечатать, как блин! Но и то, можно и понемногу «печь» тоже... Хе-хе-хе...

Глядя, как тот довольно хихикает себе под нос, Е Кэ, сам не зная почему, тоже захотел засмеяться вместе с ним.

Увидев, что тот в возбуждении, даже не одевшись, разворачивается и выбегает, Е Кэ окликнул его. Когда тот обернулся с недоумением, он кинул в него одеждой, которая накрыла его голову:

— Не простудись.

— Ага, понял, — Хэ Чжэнсюань прижал к себе одежду и счастливо выбежал.

Вскоре откуда-то потянуло ароматом еды, а Е Кэ откинулся на кровать и снова усмехнулся.

— Папа, папа... — не унимался плавающий рядом круглый комочек.

— Что?

— Это ведь только второй мир! А потом... потом у нас ещё много-много миров, так что...

Так что ты, пожалуйста, не впутывай своё сердце. Если настрой сойдётся, на дальнейших заданиях это скажется.

Туаньтуань не договорил, но Е Кэ и так понял, что он имел в виду. Закрыв глаза, он произнёс:

— Я знаю меру.

Но даже после этих слов Туаньтуань всё равно не на шутку тревожился.

В следующие дни Е Кэ слышал, что дела у Лу Нин идут как по маслу. Вот только её парня время от времени донимала навязчивая бывшая, которая любила «отмечаться». В остальном всё было отлично. На одной из студенческих встреч этот самый парень даже вызволил её из щекотливой ситуации — хотя эту роль должен был исполнить Хэ Чжэнсюань, но когда её сыграл какой-то проходной персонаж, у Туаньтуаня аж на два процента подскочил прогресс сюжета. Туаньтуань чуть с ума не сошёл от радости.

Думая об этом, Е Кэ посмотрел на лежащего рядом с ним Хэ Чжэнсюаня — тот даже во сне довольно улыбался. Глядя на его красивые черты в профиль, Е Кэ улыбнулся и легонько поцеловал его в уголок рта. Тот, повинуясь поцелую, во сне подсознательно перевернулся, крепко прижал Е Кэ к себе, наклонился и поцеловал его в лоб с невероятной нежностью, а потом легонько похлопал по спине — то ли успокаивая, то ли поглаживая.

Это уже вошло у него в привычку!

За последнее время Е Кэ в основном вместе с Хэ Чжэнсюанем повторил всё то, что тот делал с Лу Нин после потери памяти. Прогресс сюжета успешно достиг шестидесяти процентов.

Дальше с потерей памяти сюжетных действий уже не было. Может, стоит сменить обстановку?

Самое главное — он получил негласные сведения, что люди из семьи Хэ постоянно подпольно разыскивают Хэ Чжэнсюаня. Действуют они крайне осторожно, словно боясь спугнуть добычу. И даже какие-то переодетые полицейские стали появляться у дома Хэ.

Получив эту информацию, Е Кэ, когда Хэ Чжэнсюань уснул, ощупал почти зажившую рану на его затылке и примерно догадался, с чем тот столкнулся раньше. Неудивительно, что при первой встрече его травмы не походили на те, что мог нанести электроскутер... больше смахивало на то, что его жестоко избили.

Только теперь Е Кэ понял, почему по сюжету они с Лу Нин, поехав в загородный «агротуризм», наткнулись на банду головорезов — и это возвело их любовь на уровень «жизни и смерти». После того как память к Хэ Чжэнсюаню вернулась, он остался верен Лу Нин и, пренебрегая давлением отца и семьи, женился на ней.

Теперь, оглядываясь, он понимает: те бандиты, возможно, похищали его и раньше, но тут Лу Нин подросла, и в итоге, загнанные в угол семьёй Хэ и полицией, они предприняли последнюю отчаянную попытку.

Размышляя так, на следующий день Е Кэ, разбиравший рабочие дела, поднял голову и посмотрел на Хэ Чжэнсюаня. Тот сидел неподалёку с книгой — то заглядывал в неё, то поглядывал на Е Кэ, а когда их взгляды встретились, сложил губы как для поцелуя. Е Кэ усмехнулся.

Как только Е Кэ улыбнулся, Хэ Чжэнсюань сразу осмелел, отбросил книгу, подбежал, нагнулся и чмокнул его в щёку, после чего весело сказал:

— Что такое? Работа закончилась? Чего не работаешь, а только меня соблазняешь? Знаешь ведь, что стоит тебе пальцем поманить, и я тут как тут — бегу на всех парах. А ещё улыбаешься так, что с ума свести...

Говоря это, Хэ Чжэнсюань снова поцеловал Е Кэ в уголок губ и пустил в ход руки. Целуя, бормотал:

— Работу закончил? Если да, то... хе-хе, я ждал тебя аж до двенадцати...

Е Кэ перехватил шаловливые руки:

— Не балуйся сначала. У меня скоро отпуск. Ты с тех пор, как память потерял, нигде не бывал. Завтра я отвезу тебя в один загородный агротуристический комплекс. Говорят, там можно ловить рыбу и раков, и, кстати, виноград, наверное, уже поспел — можно будет пособирать. И горячие источники есть. Как тебе?

Услышав это, голова Хэ Чжэнсюаня тут же нарисовала картинки: он и Е Кэ в виноградной беседке, в горячем источнике... всякие гадости. Едва слюни не потекли от предвкушения, и организм отреагировал честно.

Почувствовав, что «дружок» напротив бесстыдно взбудоражен, Е Кэ чуть не рассмеялся сквозь зубы: он с силой скинул прилипшего к нему Хэ Чжэнсюаня на пол.

У этого человека вообще есть что-то в голове, кроме постельных дел?

— Хватит. Завтра начинаю готовить. Вечером ещё много работы, иди спать!

Ведь каждый день — и всё «на всю ночь». Е Кэ, с его нынешним телом, действительно стало тяжело. Он человек, а не плюшевый медведь с вечным заводом. Приятно, конечно, но и бесконечное удовольствие вынести невозможно. Так что потом он при любой возможности старался этого избегать.

Хэ Чжэнсюань знал: когда тот занят делами, терпеть не может, когда рядом липнут. И хотя он страшно не хотел уходить, хотя его распирало от желания, услышав про работу, со скрежетом ретировался. Уходя, то и дело оборачивался и бросал на Е Кэ умоляющие взгляды.

— Я ухожу.

— Угу. — Е Кэ, уставившись в компьютер, даже головы не поднял.

— Я правда ушёл...

— Хорошо. — Е Кэ быстро застучал по клавишам.

— Я в спальню пойду спать. Не буду ждать тебя здесь...

— Иди, ложись.

— Я...

Тут Е Кэ резко поднял голову: Хэ Чжэнсюань, спрятавшись почти целиком за дверью, выставил наружу лишь пару красивых миндалевидных глаз, которые часто-часто моргали в его сторону. Непонятно как, но в них блестели слёзы, словно вот-вот прольются. Когда он так смотрел на тебя, казалось, будто он из самой глубины души выцарапывает твою вину.

— Я действительно ушёл... — мужчина снова моргнул и повторил.

Е Кэ с усмешкой смотрел на него — сколько же можно выкрутасов выдумать?

— Ужин я готовил, — сделал я твой любимый суп из рёбрышек с лотосом, полдня варил. Посуду я помыл. И я же сидел тихо, только книгу читал, ни словечка не сказал, не мешал тебе работать. Ты сказал «иди» — я пошёл. Уже двенадцать, так поздно, поздний сон вреден...

Хэ Чжэнсюань болтал без умолку. Если резюмировать: я так старался, был таким послушным, уже так поздно — не пора ли и мне пойти спать вместе с ним?

Но этот парень вместо того, чтобы говорить по делу, всё ныл и ныл, глядя на него жалобными глазами.

Е Кэ вспомнил суп с рёбрышками и лотосом — и правда вкусный. Потом посмотрел на правый нижний угол экрана.

00:21.

Пожалуй, в самом деле пора спать.

Заметив колебания Е Кэ, Хэ Чжэнсюань немедленно пошёл в атаку:

— Я обещаю, обещаю: ночью я тебя только обниму и всё. Ничего лишнего.

— Ничего лишнего?

— Ничего лишнего.

Хэ Чжэнсюань замотал головой изо всех сил.

А когда наутро Е Кэ, держась за поясницу, с трудом поднялся с кровати, Хэ Чжэнсюань, глядя на него, чуть не лопнул от смеха. Если бы у него был хвост, он бы уже вовсю им вилял.

— Пошёл вон! — Е Кэ с размаху пнул его по голени.

<http://bllate.org/book/21332/2163990>